

Свет Христовой веры

Священники Вилюйского лепрозория

*Всем, кто трудился на ниве Христа
В этом суровом, далёком краю —
Пусть уж давно их замолкли уста —
Всем им я вечную славу пою!..*

*Пусть на холодных могильных плитах,
Преданных нами забвению давно,
Надписи нет об их добрых делах —
Сердце людское всё ж ими полно.*

*В душах угрюмой природы детей,
В жалких юртах якутской глуши
Искры небесной надежды светлей
Ими зажглись любовью в тиши...*

*Пусть, мы забыли давно имена,
Тех, кто трудился в родном нам краю,
Но не заглохли их слов семена!
Всем им я вечную славу пою!!!*

*Михаил Винокуров
Журнал «Голос якутской церкви»,
№4 за 16.07.1913 г.*

23 августа 2014 года благодарные якутяне установили в селе Сосновка (ранее эта местность называлась Хордогой), на месте некогда существовавшего Вилюйского лепрозория, памятник сёстрам милосердия во главе с англичанкой Кэт Марсден, которые бескорыстно служили и заботились о несчастных больных.

По моему глубокому убеждению, памятник воздвигнут не только этим мужественным и сердобольным женщинам, но и врачам лепрозория, а также священникам Свято-Пантелеймоновской церкви.

Вот что пишет о священнике Вилюйского Николаевского собора Иоанне Евдокимовиче Винокурове в своей знаменитой книге «На саях и верхом, к отверженным сибирским прокажённым» английская

сестра милосердия *Кэт Марсден*, посетившая в 1892 году Виллюйскую колонию прокажённых, которая насчитывала в то время 90 человек: *«Отец Иоанн, истинный друг бедных прокажённых и истинный христианин. Он постоянно навещает больных, не опасаясь ужасной заразы, с одной целью — помочь им и объяснить им учение любви Христа Спасителя. Он сопровождал нас ко всем прокажённым, и было трогательно видеть нежную любовь к нему несчастных страдальцев, которые становились под его благословение на колени и крестились изуродованными болезнью руками...»*

Он единственный человек, который их посещает, другие боятся...»

Вернувшись в Лондон, эта удивительная женщина создала «Фонд помощи прокажённым» и в 1893 году собрала 2400 фунтов стерлингов. Большую часть этих средств она отправила в Виллюйск священнику о. Иоанну, которому доверила строительство колонии и церкви для больных проказой.

В 1894 году в 11 километрах от Виллюйска в местности Хордогой была построена колония для больных, в которой было 10 домов, Пантелеймоновская церковь, мастерская, большой огород, имелись свои коровы.

Свято-Пантелеймоновская церковь во имя мученика и целителя Пантелеймона была освящена протоиереем Иоанном Винокуровым. Вот что пишет в отчёте Якутской епархии Святейшему Синоду преосвященный епископ Якутский и Виллюйский Мелентий (Якимов), служивший в Якутии в 1889—1896 гг., причисленный Русской Православной церковью к лику святых, который присутствовал на этом торжестве: «На освящение колонии мы отправились 5 декабря. Сёстры милосердия сочли своим долгом обмыть прокажённых и вымыли их с ног до головы с мылом, не боясь заразы, не гнушаясь их ранами и струпами. Затем священник Иоанн Винокуров, привыкший к обращению с ними, приготовил их молитвою и исповедью ко св. причастию и приобщил Св. Христовых Тайн, дабы жили со Христом и по смерти наследовали жизнь вечную и блаженное упокоение».

В лечебницу были назначены врач и медсестры. Кроме того, известно, что с Кэт Марсден в Виллюйский лепрозорий из Московской Александровской обители сестёр милосердия «Утоли моя печали» приехали на службу три родные сестры Соколовы, которые служили здесь в течение трёх лет до 1895 года.

В 1892 году в колонию приехала ещё одна сестра милосердия Анна Гладушкина, которая служила до 1897 года, когда ей на смену прибыли из Санкт-Петербурга две сестры милосердия: Анфия Михайлова и Аграфена Олейченко.

В 1906 году из обители сестёр милосердия г. Пятигорска в Вилюйский лепрозорий приехала Феоктиста Никандровна Слепченко, которая через два года добровольно переехала в Среднеколымскую колонию для прокажённых, где самоотверженно трудилась до 1915 года...

Работа сестёр милосердия — это повседневный подвиг во имя любви и добра к смертельно больным людям, который достоин преклонения и восхищения. Это требовало колоссального напряжения сил и приводило их к нравственному утомлению от постоянного лицезрения человеческих страданий и смертей.

Сёстрам милосердия приходилось выполнять тяжелейшую работу по облегчению физических страданий этих неизлечимо больных людей, но в первую очередь им приходилось бороться с моральным разложением, отчаянием и ожесточением несчастных.

... Попечителем построенного Вилюйского лепрозория был вилюйский купец 2-й гильдии Иван Николаевич Харитонов, который устроил на свои средства усыпальницу в честь святого праведного Лазаря Четверодневного и пожертвовал 500 пудов хлеба для больных. В 1910 году купец скоропостижно скончался. Благотворительную деятельность продолжила его жена Параскева Алексеевна (в девичестве Седалищева) со своими сыновьями.

Расходы по содержанию колонии также приняли на себя вилюйские купцы Н.А. Расторгуев, Н.Л. Кондаков, М.Г. Неустроев.

Протоиерей Иоанн Винокуров служил в Свято-Пантелеймоновской церкви вплоть до скоропостижной своей кончины в 1912 году.

Вечная ему память!

Священник Иван (Иоанн) Евдокимович Винокуров родился 01.07.1847 г. в Вилюйске. Происходил из династии вилюйских священников, его дед — священник Вилюйского Николаевского собора Иоанн Михайлович Винокуров — в возрасте 49 лет скончался в 1841 году от горячки и похоронен в ограде Николаевской церкви.

В 1867 г. Иоанн Евдокимович окончил Якутскую духовную семинарию и назначен псаломщиком в Походную Благовещенскую церковь.

В 1868 г. он был священником Усть-Янской Спасской церкви.

С 1879 г. назначен священником в Вилюйский Николаевский Собор.

В 1893 г. — представитель строительного комитета по постройке церкви в выселке прокажённых.

В 1893 г. награждён орденом Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени.

В 1895 году по его желанию перемещён к настоящей церкви.

В 1899 году назначен Благочинным 13-го благочиния.

(Клировые ведомости Пантелеймоновской церкви Вилюйского выселка прокажённых за 1909 г. Н.А. РС(Я), ф. 226-и, оп. 9, д. 126, л. 28(об.)-35.)

В семье о. Иоанна с матушкой Марией Николаевной (1853 г.р.) родилось четверо детей: Анна, Евдоким, Михаил и Степан.

Евдоким Иоаннович Винокуров (1880 г.р.) был назначен в 1900 году псаломщиком в Пантелеймоновскую церковь на половину жалования из-за своей болезни, с обязательством ежедневной выдачи продуктов прокажённым.

Михаил Иоаннович Винокуров (1883 г.р.) был в 1913 г. фельдшером в Вилюйском округе.

Степан Иоаннович Винокуров (1885 г.р.) учился в Томском университете, в 1913 г. служил чиновником в Иркутске.

Известно, что дочь священника Анна Иоанновна Винокурова (1871 г.р.) вышла замуж за вилюйского купца Фёдора Алексеевича Расторгуева (1857-1917), у них родилось шестеро детей.

В Якутии проживают их многочисленные потомки. Одна из них — рано ушедшая от нас любимая народом певица Наталья Трапезникова.

... После кончины всеми любимого протоиерея Иоанна Винокурова перед Якутской епархией встал непростой вопрос. Кого назначить священником в Вилюйскую Пантелеймоновскую церковь для прокажённых? Общим мнением членов совета решили, что это должен быть сердобольный священник-миссионер с навыками лекаря.

Выбор пал на 38-летнего священника *Леонида Синявина*, миссионерская деятельность которого в Колымском крае в 1910-13 годах была высоко оценена Православным миссионерским обществом в Якутске и Санкт-Петербурге.

В Вилюйской Пантелеймоновской церкви о. Леонид служил с 1913-го по 1918-й годы.

Это был подвиг бескорыстного служения отверженным обществом страдальцам, которых в лепрозории было 70 человек.

Якуты считали проказу не только заразным заболеванием, но и проклятием небесных сил. Заболевшие навсегда изгонялись из общества в лесную глушь, где влачили жалкое существование, ждали неминуемой смерти и, в основном, погибали от голода...

По воспоминаниям старожилов г. Вилюйска, *«отец Леонид нёс больным лепрозория свет Христовой веры в вечную жизнь, где все равны, и где нет телесной боли и душевных страданий, и они всем своим сердцем любили своего батюшку».*

В то время у медиков не было препаратов, лечащих эту страшную инфекционную болезнь, которая передаётся при контакте с другим человеком, и больные умирали медленной смертью в невероятных телесных и духовных муках.

Сколько нужно было иметь душевных сил, терпения, любви к прокажённым, чтобы вынести всю эту боль, страдания, не дать несчастным людям отчаяться. **Это мог сделать только истинный слуга Христа!**

Вот что писал о нравственных требованиях к священнику Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский: *«Ты, представитель веры и церкви, ...ты представитель Самого Христа Бога, ты должен быть образцом кротости, чистоты, мужества, твёрдости, терпения, возвышенного духа. Ты делаешь дело Божие, и ни перед чем не должен падать духом, никому не должен мстить, раболепствовать, а считать дело своё выше всех дел человеческих».*

Отец Леонид Синявин соответствовал всем этим требованиям и останется в благодарной памяти людской как истинный христианин и священник-миссионер по призванию.

О непростой, трагической жизни и судьбе священника Леонида Синявина, несправедливо забытого, я хочу Вам поведать.

Впервые о священнике Синявине я узнал в 1979 году, работая в Якутии, в совхозе «Нижнеколымский», бригадиром-зоотехником трёх оленеводческих комсомольско-молодёжных бригад.

На нашем попечении находилось более 9000 домашних оленей чукотской породы «харгин». В трёх оленеводческих стадах дружно жили и работали чукчи, юкагиры и ламуты (эвены), все они хорошо говорили по-русски, так как оканчивали в селе Колымском среднюю школу-интернат, основные предметы в которой велись на русском языке.

Себя они гордо называли «чавчыват», что по-чукотски переводится как «оленные чукчи».

... Весной, после отёла важенок, мы перегнали оленей на побережье Северного Ледовитого океана, в местность у реки Большая Чукочьа, где было прохладно, не было комаров и находились богатые травяные пастбища, на которых олени быстро нагуливали жир и прибавляли в весе.

Мы поставили на возвышенности несколько летних яранг, так как на летние каникулы к семейным оленеводам приехали из интернатов их дети.

... В устье реки Большая Чукочьа на крутом берегу я заметил старое полуразвалившееся деревянное строение — поварню, у которой не было крыши.

Вошёл внутрь, на меня пахнуло сыростью и запахом гниющей древесины. Приглядевшись, я увидел на грубо сколоченном столе, чёрном от времени и дыма, разные бытовые предметы: старый дырявый медный чайник, пустые консервные банки, истлевшие олени плеки (зимняя обувь). Среди этого скопления когда-то нужных предметов я заметил небольшой, потемневший от времени, *медный православный крестик*, сиротливо лежащий у самого края...

Свою находку я показал нашему уважаемому оленеводу-наставнику Иннокентию Яковлевичу Горулину, юкагиру преклонных лет. Он внимательно осмотрел крестик и с волнением произнёс: *«Это крест священника отца Леонида Синявина, который крестил нас и наших детей, кочевал и жил вместе с нами, лечил нас и молился за нас.*

Это был хороший, добрый человек. По-чукотски — лыгьоравэтльан (настоящий человек). Он погиб в 20-х годах в Аллаихе...».

Потом он бережно положил крестик в полевую офицерскую сумку, подаренную ему пограничниками, и ушёл в тундру...

Я уже несколько лет с семьёй жил с чукчами в с. Колымском и знал, что они делят людей на две категории — обыкновенные и настоящие. К настоящим относят людей, уважаемых в кочевом обществе, работающих, профессионалов своего дела, скромных, любящих людей, соблюдающих законы природы и обычаи предков.

Этот разговор тогда глубоко запал мне в душу.

Мои попытки узнать на Колыме о жизни священника Синявина окончились безрезультатно. Один мой приятель подсказал мне, что это можно узнать только в архиве г. Якутска, и осторожно заметил, что сейчас не время для поисков этого «попа».

В наше атеистическое советское время обществом не поощрялись разговоры на религиозные темы, и сведения о якутских священниках

были под строгим запретом, так как они и члены их семей подверглись гонениям и репрессиям.

И вот только через много лет я нашёл в Санкт-Петербурге документы об этом незаурядном человеке, священнике-миссионере, жившем по заповедям Евангелия, любившем ближнего, как себя самого, независимо от того, кто он: «красный», «белый» или «зелёный», богатый или бедный. Всем он старался помочь, ведь все мы дети Христа, для него мы все едины, равны и любимы.

Леонид Григорьевич Синявин родился в 1875 году в городе Красноярске. Известно, что его отец был священником Киренского Спасского собора и в 1887 году преподавал Закон Божий в церковно-приходском училище г. Киренска. 24 августа 1889 г. отец Григорий Синявин умер от чахотки.

Леонид Синявин, окончив Киренское церковно-приходское училище, был принят в Иркутскую духовную семинарию, которую успешно окончил в 1899 году и получил право на преподавание в церковно-приходских школах.

В это время в Иркутск к своим родственникам на время школьных каникул приезжает **Вера Николаевна Пельгорская**, окончившая в 1894 году Якутское епархиальное женское училище с получением звания домашней учительницы 1-й ступени и работавшая учителем арифметики и библиотекарем в этом же училище. (Пожелтевший от времени аттестат за № 49 об окончании Якутского училища, где в основном выведены пятёрки, бережно хранится её внуками, живущими в Якутске.)

Так в купеческом сибирском городке по божьей воле произошла встреча Леонида Синявина и Веры Пельгорской. Венчание молодых было в 1899 году в Иркутске, и через всю жизнь они пронесли уважение и любовь друг к другу.

Вера Николаевна Пельгорская родилась 9 апреля 1878 года в Иркутске. Спустя восемь лет её родители переехали в Якутск. Отцом её был известный якутский коллежский советник Николай Иванович Пельгорский (по табелю о рангах — полковник), мать была учительницей. У Веры была старшая сестра Екатерина (1869 г.р.), которая в 1887 году в Якутске вышла замуж за надворного советника Андрея Андреевича Кугаевского.

В сентябре 1899 года молодая чета Синявиных получает назначение в Охотск, где работают учителями в церковно-приходской школе. В 1900 году у них в Охотске родился сын Григорий, в 1905 году в Якутске родилась дочь Антонина, здесь же родился сын Леонид.

В 1907 году семья Синявиных возвращается в Якутск, где Леонида Синявина назначают инспектором церковно-приходских школ Якутской области. Посещая улусные школы, Леонид Григорьевич самостоятельно изучил якутский язык.

1909 год стал переломным в жизни Леонида Синявина, он рукоположен в сан священника и направляется миссионером Сень-Кельского стана Чукотской миссии. Семья его остаётся в Якутске.

Совсем недавно, в этом году, в архивах Санкт-Петербурга, в журнале «Православный Благовестник» (издававшемся Православным Миссионерским Обществом, состоящим под покровительством императрицы Марии Фёдоровны) за 1910-1913 года я обнаружил «Записки Якутского миссионера священника Леонида Синявина», которые прочитал с большим волнением и интересом.

Это был глас из нашего добропорядочного прошлого, времени высоких помыслов, гуманности, сострадания и любви к ближнему. Перед моими глазами предстал образованный, деятельный человек высокой культуры, любви и большой ответственности за своих чад, которых он привёл к Христу.

Будучи глубоко верующим человеком, преданным служителем Русской православной церкви, Леонид Синявин всеми силами души стремился донести Слово Божие до сознания прихожан на их родном якутском языке, который он знал блестяще. Кроме того, он постепенно изучил гортанный чукотский язык и обиходный ламутский.

Глубокое изучение им материальной и духовной культуры коренного народа, уклада его жизни и деятельности, умение лечить больных способствовали искреннему, свободному и доверительному общению отца Леонида с представителями северных народов, содействовали несомненному успеху его миссионерской деятельности.

Вот что пишет апостол Аляски Иннокентий о миссионерах: *«Миссия, как проповедь Христа языческим народам — это, безусловно, подвиг. Он требует от миссионера в высшей степени самоотверженного и жертвенного служения. Необходимо оставить Родину и идти в места отдалённые, дикие, лишённые многих удобств в жизни, для того, чтобы обращать на путь истины людей, ещё блуждающих во мраке неведения».*

Отец Леонид за три года своей миссионерской деятельности привёл к Христу всё кочующее население Западной тундры от реки Колымы до реки Алазея и к 1913 году завершил крещение чукчей, ламутов, тунгусов, юкагиров, якутов, русских, обитающих в этом Колым-

ском крае. Он продолжил миссионерское дело священника Андрея Аргентова, который нёс инородцам слово Божие в 1850 году, составив первый Чукотский словарь, и иеромонахов Вологодской епархии Дионисия, Анатолия и Агафангела, прибывших в этот заброшенный край в 1883 году по просьбе Якутской епархии.

Миссионеры внесли значительный вклад в развитие здравоохранения и просвещения среди коренных народов Якутии. Они были первыми исследователями их языка, материальной и духовной культуры, обычаев и традиций.

Через деятельность православных миссий началось приобщение северян к ценностям и достижениям европейской цивилизации. Много трудностей выпало на долю отца Леонида в неизведанной снежной тундре: постоянный холод, полевые условия работы, отсутствие элементарных удобств, поиски переводчиков, средств передвижения. Все эти испытания он достойно перенёс.

За эти годы он проехал на собаках, оленях и пешком почти 4000 вёрст.

В 1912 г. он открыл приходскую школу в Походске. Миссионер-учитель обучил грамоте 20 человек обоего пола, в том числе 2 тунгусов, 3 юкагиров и 1 якута.

Миссионер-лекарь отец Леонид безотказно и бескорыстно лечил приезжавших к нему больных, снискал у них уважение и любовь. *За два года своей деятельности привил от оспы всё население Западной тундры, тем самым спасал малочисленные народы Севера от вымирания.* Поэтому из поколения в поколение передают колымчане рассказы о добром священнике и лекаре Леониде Синявине.

Читая дневник священника Синявина, поражаешься его неутомимой деятельности, оптимизму, точности изложения своих мыслей, любви к людям. У него писательский дар — он тонко чувствует природу, людей; прекрасно и образно описывает красоты тундры в разное время года или нрав «свирепого Ледовитого океана».

Весной 1913 года отец Леонид, выполнив свой миссионерский пасторский долг на Колыме, приезжает к своей семье в Якутск.

Уже в июле Якутская епархия назначает его священником в Вилюйскую Свято-Пантелеймоновскую церковь для прокажённых. В августе 1913 года он вместе со своей семьёй прибыл в Вилюйск и начал своё пятилетнее служение в церкви лепрозория. Здесь у них родились Людмила, Владимир, Татьяна, Серафим. Все они были крещены в Пантелеймоновской церкви.

В Вилюйске семью постигло большое горе — заболел, умер в возрасте 6 лет маленький Лёничка...

Несчастные страдальцы лепрозория любили слушать душевные проповеди отца Леонида, которые он вёл на якутском языке, и искренно любили своего батюшку.

В 1914 году началась Первая мировая война. В Якутской области во время войны развернулась кампания по организации помощи больным и раненым воинам, их семьям. Нельзя без волнения читать документ, где говорится, что больные Вилюйского лепрозория внесли в фонд помощи 54 рубля 80 копеек. Эти люди, глубоко несчастные и обделённые судьбой, были потрясены бедственным положением сограждан, о которых на проповеди поведал им отец Леонид, и выделили им на помощь деньги из своих крохотных сбережений или путём добровольного отказа от полагающегося им праздничного ужина.

Их пример стал достоянием общественности всей России. Больных сердечно телеграммой поблагодарили сам Государь Николай II и Великая княжна Татьяна Николаевна.

В феврале 1917 г. царь отрёкся от престола, и к власти пришло Временное Правительство. Для всех православных верующих отречение Николая II было большим потрясением.

В октябре в Петрограде власть вооружённым путём захватили большевики. Население России разделилось на два враждующих лагеря, в стране началась кровавая, братоубийственная Гражданская война.

Сегодня, когда открылись архивы, мы узнали, наконец, правду о действительных событиях того «кровавого времени» и людях, на долю которых выпали тяжелейшие испытания.

Население Якутии не признало власть большевиков. 20 ноября 1917 г. на объединённом заседании членов Якутского комитета общественной безопасности (ЯКОБ), городской Думы, Совета военных и крестьянских депутатов и других было принято решение о непризнании Рабоче-крестьянского правительства Советской России. Для борьбы с социалистической революцией был образован Комитет охраны революции во главе с областным комиссаром В.Н. Соловьёвым.

27 марта 1918 г. в Якутске состоялось первое Чрезвычайное собрание областного земства, обсудившее вопросы местного самоуправления и социально-экономического развития области. Собрание избрало областную земскую управу во главе с В.В. Никифоровым.

Областное земское собрание не признало центральную власть в лице Совета народных комиссаров и решительно выступило против вмешательства Петрограда в управление Якутской областью.

В 1918 году в Колымском крае, из-за неприбытия парохода с мукой, сложилось чрезвычайное положение. Председатель областного земства В.В. Никифоров, зная о высоком авторитете Л. Синявина среди коренного населения Колымского края и незаурядных его организаторских способностях, обратился к священнику Пантелеймоновской церкви с просьбой о помощи колымчанам. Он предложил о. Леониду стать уполномоченным земства в Среднеколымске, принять все меры по предотвращению голода среди малочисленных народов Севера Якутии.

Естественно, человеколюбивый отец Леонид, исходивший колымскую тундру вдоль и поперёк, с разрешения Якутской епархии, дал согласие и безотлагательно выехал в Среднеколымск, к своим любимым чадам во Христе, так нуждавшимся в нем и ставшим ему родными.

Его многочисленная семья в очередной раз переехала в Якутск, где Веру Николаевну назначили начальницей Якутского епархиального женского училища и учительницей арифметики.

Приехав в Среднеколымск, отец Леонид энергично взялся за работу. Первым делом он провёл ревизию имеющегося продовольствия и установил нормы отпуска муки для населения, принял меры по вывозу из Булуна хранящейся там муки. О его неутомимых трудах свидетельствует дошедший до наших дней «Рапорт помощника управляющего Якутской областью подпоручика Николая Шерлаимова управляющему В.Н. Соловьёву. 23 марта 1919 года. г. Якутск.» (ГАИО, фонд 609. Оп. 1, д. 55, лл. 1—11.) Вот что он пишет: *«В Средне-Колымском уезде уполномоченным областного земства священником Леонидом Синявиным сделано очень многое.*

Только благодаря необычному труду, знанию народного быта, административному опыту и инициативе о. Синявина С-Колымский уезд относительно в хорошем положении. Так, например, благодаря влиянию уполномоченного Синявина, в чём я непосредственно убедился, когда был с ним в Западной тундре Нижне-Колымска, олень в С-Колымске расценивается: большой — 16 руб., малый — 12-8 руб., тогда как цена оленя в Верхоянском уезде — 100-120 руб.

Уполномоченным Синявиным взято для русского и инородческого населения 5000 оленей, из которых значительная часть скормлена собакам. Дело в том, что в 1918 году всё побережье Ледовитого океана было забито льдом, и не в одну реку рыба с моря не зашла, чем создавалась

голодовка населения и собак, так как рыба — главная пища и людей, и собак.

Пароход в 1918 году на р. Колыму не прибыл в силу политических обстоятельств и государственной разрухи — к тому же помешали льды, почему и хлеб был не доставлен, и теперь население питается запасами 1917 года, частью доставленного и имеющим быть доставленным с Булуна. В С-Колымске инородческое население получает 1,5 фунта муки в месяц, горожане — по 4 фунта, казаки по 30 фунтов в месяц и 10 фунтов крупы в месяц. При такой даче хлеба хватит до осени 1919 года.

Американская шхуна, шедшая в 1918 году на р. Колыму, затёрта льдами на Шелагском мысу и теперь разгружается в 600 верстах от Нижне-Колымска. К шхуне выехать могут немногие — пропали собаки от голодовки и чумы. Если бы не было уполномоченным Синявиным закуплено 5000 оленей, то на севере был бы такой же голод, какой наблюдается в Верхне-Колымске, где юкагиры, за неприходом рыбы, умирают от истощения и даже от голодной смерти. — так сообщает священник, приехавший из Верхне-Колымска.

Уполномоченным Синявиным приняты все меры к улучшению положения в Верхне-Колымске, послана нить для сетей, хлеб с Абыя, охотничьи припасы, исправление их кремнёвых ружей (замена новых кремней и т. д.).

По инициативе уполномоченного Синявина, при радиостанции будет поставлена паровая машина, которая даст С-Колымску электрическое освещение в 1920 году.

Уполномоченным Синявиным организована ремесленная мастерская, в которой днём производят частные и земские заказы, а вечером учатся подростки столярному и плотничному ремеслу. Оканчивается постройка хорошего дома для доктора, больница также хорошая, но нет лекарств и... доктора.

Уполномоченным строится хорошее здание для школы в Нижне-Колымске. Предполагается организация кирпичного завода, так как колымчане, за неимением кирпича, пользуются камелькам. Школьное дело в С-Колымске поставлено хорошо. Есть 2-классное училище и одно первоначальное.

Уполномоченным Синявиным выдвинут и проведён уже в жизнь вопрос о кооперативе и кредитном товариществе. Последнее образуется в Н-Колымске, а кооперативы Н-Колымский и С-Колымский объединяются в один, уездный, войдя в союз с «Холбосом».

Священником Синявиным выдвинут вопрос об открытии тракта «Гижигинская Губа — р. Омоллон», оттуда грузы должны сплаваться вниз по р. Омоллону. Открытие этого пути даст возможность иметь всё в достаточном количестве, сократив проезд морем (до р. Колымы) на 1500 вёрст, а то и более.

Проведение Гижигинского пути освободит Якутск от забот о севере. Север будет всем обеспечен самостоятельно».

Обращение поручика Шерлаимова к населению Колымского уезда

Граждане! Я глубоко тронут Вашим общим трудом, выразившимся в стройной общественной жизни, во главе с отцом Леонидом Синявиным, в жизни, полной порядка и твёрдого спокойствия, когда кругом по области были грабежи, убийства, когда кровь человеческая текла рекой.

Вы все были готовы защитить своих детей, свои дома с оружием в руках от нашествия большевиков.

Вы, жители далёкого Севера, имеете живую душу и доброе сердце. Я счастлив был выслушать Ваши приветствия, как представитель Всероссийского правительства, ибо Вы и приветствия были искренни.

Наша прекрасная Сибирь сбросила иго разбоя большевизма, но она разорена, и долг каждого из нас приложить труд свой в строительстве новой государственной жизни.

Помните: нет страны более чудесней, чем наша холодная, родная Сибирь!

«Якутский Областной вестник», № 39. 21.02. 1919 года.

Несмотря на сложную политическую обстановку в Якутии, отец Леонид, как уполномоченный областного земства, всю свою деятельность направлял на улучшение жизни колымчан и обеспечение их продовольствием, и своим неустанным трудом в течение 4 лет сделал всё, чтобы население Колымского края не голодало.

Но он хорошо знал, что, кроме хлеба, народ нуждается и в духовной пище, и поэтому отец Леонид продолжал своё служение Церкви: проводил богослужения, исповедовал, крестил детей, исполнял требы (православные обряды).

И это несмотря на то, что он знал: 9 марта 1920 г. в Якутске приказом Военно-революционного штаба упразднён Якутский епархиальный Совет (Консистерия) со своей канцелярией и штатом служащих и начались гонения на священнослужителей и членов их семей.

В Якутской области в период 1919-1922 гг. происходили многочисленные перевороты: к власти в Якутске приходили то красные комиссары, то повстанцы из числа местных жителей во главе с белогвардейскими офицерами, недовольные действиями власти большевиков в период «военного коммунизма», когда у крестьян в результате продразверстки изымалось последнее зерно, вводили единственную корову-кормилицу и людей обрекали на голодную смерть...

Для местного населения большой бедой были как приход белых, так и красных. Грабили их и те, и другие, отнимая лошадей, одежду и продукты.

Красноармейцы, прибывшие в Якутию из центральных районов России и незнакомые с особенностями жизни и обычаями местного населения, относились к нему враждебно. Так, 2 января 1922 года, временно исполняющий обязанности командующего вооружёнными силами Якутской губернии А.Г. Козлов по прямому проводу отдал боевым частям Красной Армии распоряжение: «1. Отбросить всякие сентиментальности как с бандитами, так и мирными гражданами. Бандитов (**повстанцев. — Н.Г.**), захваченных где бы то ни было, расстреливать без пощады, граждан, населяющих наш тыл, содействующих бандитам и в чем бы это содействие ни выразалось, указанием ли бандитам нашего расположения или численности, предоставлением им подвод для передвижения, фуража и продуктов или просто в том, что то или иное селение, при посещении его бандитами, предоставляло квартиру и об этом не сообщило нашему командованию, просто оставалось пассивным, расстрелять каждого пятого в селении без всякой пощады...».

Но далеко на Севере, в Среднеколымске и Верхоянске, в это время текла мирная жизнь. Северяне занимались сельским хозяйством, охотой и рыбной ловлей, чтобы прокормить свои многочисленные семейства.

О переворотах в Якутске колымчане узнавали по радио¹, если на почте был керосин, который завозили в очень ограниченном количестве, или после прибытия посланника из Центра.

---

¹ Первая радиостанция в Среднеколымске открылась в декабре 1918 г.

Так, 23 января 1921 года, в Среднеколымск прибыл нарочный по поручению Верхоянского Совета якутских и казачьих депутатов, который сообщил о свержении 19 декабря 1920 года власти адмирала Колчака. В этот же день Народным собранием Среднеколымска был избран Временный революционный комитет под председательством Г.А. Антипина, бывшего студента юридического факультета Томского университета. В его состав вошли уважаемые в городе люди, в их числе уполномоченный земства Леонид Синявин. Главной задачей комитета было обеспечение безопасности населения и снабжения его продовольствием во время многочисленных переворотов в Якутии.

Но в 1922 г. патриархальная жизнь колымчан круто изменилась, к ним также пришла Гражданская война, принёсшая много крови и смуты.

Из Охотска на Север, через Оймякон и Мому в Абый, двинулась белогвардейская часть под командованием полковника Бочкарева, «прославившегося» своими зверствами и расстрелами без суда красных бойцов. Расстреливали и местных жителей, если они оказывали какую-либо помощь красноармейцам или работникам Советов, независимо от того, было это сделано добровольно или по принуждению.

По пути белые проводили принудительную вербовку среди местных жителей, в результате чего в отряд вливались молодые якуты и тунгусы. Сначала местное население поддержало белых, но когда узнало о творимых ими зверствах и беззаконии, перестало оказывать им помощь.

В Среднеколымске с декабря 1921 г. находился уполномоченный Губревкома В.Д. Котенко, который объявил об очередном перевороте в Якутске и установлении власти Советов во главе с коммунистами. Узнав о подходе отряда Бочкарева к Колыме и Абыю, Котенко стал руководить борьбой с белыми. Одной из первоочередных задач, поставленных перед ним Губревкомом, была вывозка пушнины из Среднеколымска в Булун. Что он успешно и осуществил.

Когда с Абыя в Среднеколымск двинулся значительный отряд белых и везде на путях их передвижения уже стояли вооружённые и лояльные к ним повстанцы из числа коренных жителей, Котенко принял решение пробираться в Аллаиху в одиночку, чтобы оттуда уже добираться до Булуна. Он прекрасно понимал, что ему угрожает смертельная опасность, и что для осуществления своего плана ему нужен проводник, хорошо знающий тундру, местных жителей и их язык.

Выбор пал на уполномоченного Якутского земства священника Леонида Синявина, которого он попросил о помощи. Сердобольный

отец Леонид, видя бедственное положение Котенко, согласился помочь ему добраться до Аллаихи. Ведь осуществляя пасторское служение на ниве Христовой в Колымском крае, он знал всех обитателей тундры и пользовался у своих духовных чад безграничным уважением и любовью.

Также, по некоторым сведениям, одной из причин его путешествия с Котенко было желание соединиться со своей семьёй в Якутске. Он более четырёх лет безвыездно находился на Колыме в самое трудное и трагическое для её жителей время и был оторван от своей любимой семьи.

В начале марта отец Леонид с Котенко на оленях выехали в тундру по направлению к Аллаихе. Вскоре они были схвачены, привезены в Аллаиху и без суда и следствия расстреляны белогвардейским поручиком Деревяновым. Священнику Синявину инкриминировалось оказание помощи «красному» — большевику Котенко.

Так трагически в 47 лет, в самом расцвете сил, оборвалась жизнь священника-миссионера Леонида Синявина.

Вечная ему память!

В конце 1922 г. Гражданская война в Якутии завершилась победой Красной Армии.

Новая власть усилила гонения на православную церковь, начали закрывать храмы, реквизируют церковное имущество и массово репрессировать и расстреливать духовных лиц и членов их семей. Был выдвинут лозунг: «Кто не с нами — тот против нас!»

Классовая борьба разгоралась с новой силой. Чтобы как-то оправдать свой «красный террор», якутским коммунистам срочно нужны были свои «герои» из среды священников, которые бы приняли их атеистические идеи и оправдали кровавые действия новых опричников. Но сидевшие в тюрьмах якутские священники не отступились от своего Христа Спасителя. Даже под угрозой расстрела они категорически отказывались сотрудничать с «сатанинской» властью.

И тут партийные органы вспомнили о трагической гибели коммуниста Котенко и его проводника и переводчика отца Леонида Синявина. Быстро сфабриковали легенду о якобы отречении отца Леонида от сана священника, и эту утку «о красном попе» опубликовали на страницах советских газет. Ведь мёртвые не могут себя защитить от лжи и наговоров...

Я просмотрел много документов тех лет, но не обнаружил ни одного свидетельства об отречении от церковного сана отца Леонида

Синявина. Всё это выдумки и бессовестная ложь бывших партийно-советских органов Якутии.

Сегодня, когда наше российское общество стремится к демократическим преобразованиям и свободе, мы должны написать правдивую историю нашей Якутии, возродить забытые имена достойных её граждан, которые всей своей деятельностью вели её к просвещению, процветанию и пожертвовали ради неё своей жизнью.

Священник Леонид Синявин своей короткой, но яркой жизнью показывает нам пример бескорыстного служения Церкви и Отечеству. Имя священника-мученика должно выйти из забвения и занять достойное место среди имён лучших сынов и дочерей нашей многонациональной Якутии.

... Многодетная семья священника Леонида Синявина после его мученической смерти жила трудно, подвергалась гонениям и репрессиям.

Вере Николаевне Синявиной, как вдове священника и бывшей учительнице Епархиального училища, запретили в Якутске преподавать, и она с детьми летом 1924 г. вынуждена была уехать на Колыму, где вместе со старшими дочерьми Антониной и Людмилой они работали учителями. Вера Николаевна одновременно заведовала школой в Нижне-Колымске.

В 1926 году Вера Николаевна выехала со всей семьёй в Новосибирскую область и стала работать учительницей в школе на железнодорожной станции Чулым. Через три года семья Синявиных вернулась в родной Якутск. Вера Николаевна стала работать учительницей в русско-татарской школе. 1 сентября 1931 г. она была освобождена от работы по причине тяжёлой болезни. 27 ноября 1933 года Вера Николаевна была принята на работу в Центральный архив ЯАССР на должность архивиста, где проработала до 11 сентября 1936 года.

Дети выросли, получили образование и успешно работали.

Старшая дочь Антонина окончила в Ленинградском университете факультет журналистики и работала в редакции газеты «Социалистическая Якутия», возглавляла Республиканский радиокомитет.

Её мужем был Христофор Прокопьевич Шараборин — председатель Совета Народных Комиссаров Якутской АССР в 1931-37 гг. Он родился в 1904 г. в деревне Амгинское Олёкминского округа Якутской области. После окончания Якутского педагогического училища с 1926-го по 1929-й год проходил обучение в Ленинградском Коммунистическом университете имени Зиновьева.

В 1929-1930 гг. — секретарь Булунского комитета ВКП(б), июнь 1931 — август 1937 гг. — председатель СНК ЯАССР. Работая представителем ЯАССР при Президиуме ВЦИК РСФСР арестован органами НКВД 5 ноября 1937 г. в Москве, якобы «за принадлежность к антисоветской контрреволюционной националистической организации с целью отторжения Якутии от СССР».

Расстрелян 16 января 1938 года.

Место захоронения: Московская область, секретный полигон НКВД «Коммунарка» (24-й км Старокалужского шоссе).

Реабилитирован 4 апреля 1956 года.

Репрессиям подверглась и его семья: жена *Антонина Леонидовна Шараборина-Синявина* 4 августа 1938 года была арестована в Москве и приговорена к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере. Прибыла в Акмолинское ЛО (Средняя Азия) 18.10.1938 года. Освобождена 24.06.1944 года, но в Якутск ей разрешили вернуться лишь через четыре года. После шести лет тюрьмы это был уже тяжело больной человек. Блестящей журналистке и профессиональной радиоведущей в городе не нашлось работы по специальности. Она с большим трудом устроилась на работу воспитателем в Якутский туберкулёзный диспансер, где проработала до выхода на пенсию...

После реабилитации в 1956 г. её расстрелянного мужа, Х.П. Шараборина, Правительство ЯАССР «в качестве компенсации» выделило ей квартиру в Москве, куда она выехала на постоянное место жительства, поближе к могиле мужа. Похоронена в Москве.

Детей Антонины Леонидовны: Гортензию (1922 г.р.) и Зигфрида (1931 г.р.) Шарабориных во время тюремного заключения дочери подняла и воспитала её престарелая мать Вера Николаевна Пельгорская-Синявина, работавшая в 1938 г. учительницей в селе Ломо Николаевского района Сталинградской области.

Во время войны в 1943 г. Вера Николаевна с внуками приехала в Якутск к своей дочери Татьяне, которая, окончив в 1937 году Московский педагогический техникум физкультуры, работала в городском комитете физкультуры и спорта.

Татьяна Леонидовна Синявина (Горовацкая) в Якутске вышла замуж. Муж — участник Великой Отечественной войны. До войны в семье родилось двое детей: Юрий и Игорь. Татьяна Леонидовна с 1944-го по 1948-й год работала в Педагогическом институте г. Якутска. Ей присвоены почётные звания: «Отличник физической культуры», «От-

личник народного образования», «Заслуженный учитель школы ЯА-ССР». В 1978 году Татьяна Леонидовна переехала в Краснодарский край, где в 1994 году умерла в г. Приморско-Ахтарске.

Репрессии не обошли стороной и сына Председателя Совнаркома Якутии Х.П. Шараборина — *Зигфрида Христофоровича*, хотя «отец народов» на каждом процессе над многочисленными «врагами народа» громогласно заявлял, что «дети не отвечают за дела родителей».

В семейном архиве внучки отца Леонида Синявиной — Зои Григорьевны Тарской сохранилась справка МВД №0003639 от 17 октября 1955 года (лагерное отделение п/я 11413), выданная Шараборину З.Х. в том, что он «с 6 октября 1953 года содержался в местах заключения, откуда освобождён по постановлению Президиума Верховного Совета УССР от 20 сентября 1955 года — помилован. Следует к месту жительства в г. Киев». (В 1953 году ему было 24 года.)

По рассказам родственников, Зигфрид Христофорович после освобождения приехал в Якутск к матери и был убит при невыясненных обстоятельствах. Убийство не раскрыто до сих пор...

Его сестра Гортензия Христофоровна Шараборина, окончив институт в Киеве, работала до пенсии главным бухгалтером на военном заводе. В 2013 г. она умерла в Москве на 82-й году жизни.

Семья другой дочери священника Синявина — Людмилы Леонидовны Синявиной-Воронковой тоже подверглась репрессиям. Её муж, Максим Георгиевич Воронков, командир военного корабля, в 1939 году по клеветническому доносу был арестован. С началом войны его выпустили из лагеря и отправили служить на Дальний Восток, восстановили в правах: вернули награды и воинское звание — капитан 1-го ранга. В 1941 году М.Г. Воронков был назначен командиром Зее-Бурейской бригады речных кораблей Амурской флотилии.

В 1945 году участвовал в войне с Японией. За умелое руководство бригадой, образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с японским милитаризмом и проявленное при этом мужество и героизм капитану первого ранга Воронкову Максиму Георгиевичу 14 сентября 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№7127).

В мае 1955 года капитан первого ранга Воронцов Максим Георгиевич был уволен по болезни в запас, безупречно прослужив Отечеству 38 лет.

У Воронковых родилось трое детей. Жили они в Киеве. Сын Валерий Максимович Воронков (1937 г.р.) пошёл по стопам отца. Окончив

Ленинградское высшее морское училище, служил на Черноморском флоте командиром корабля.

Капитан первого ранга, Герой Советского Союза Максим Георгиевич Воронков умер 9 мая 1976 года и похоронен в Киеве. Людмила Леонидовна Воронкова-Синявина живёт в Москве, на пенсии.

Два её брата — Серафим Леонидович и Владимир Леонидович Синявины — не вернулись с Великой Отечественной войны.

Гвардии сержант Серафим Синявин на фронте был миномётчиком, потом разведчиком. Пал смертью храбрых 12 января 1944 года, похоронен в деревне Кузнецово Калининской области.

Первенец отца Леонида, Григорий, в 1920 году окончил Якутский сельскохозяйственный техникум. В 1921 году Якутское ЧК направило его в составе отряда на Север. После разгрома белобандитов вернулся в родные Качикатцы, где женился на местной жительнице Анне Иннокентьевне Исаковой. Вместе с ней в селе организовали первый колхоз.

В дружной интернациональной семье родилось 9 детей: Аркадий-1, Клара (Егорова), Градислава (Голубцова), Валерий, Руслан, Аркадий-2, Зоя (Тарская) и Рая. Все дети Григория Леонидовича и Анны Иннокентьевны Синявиных получили образование и успешно работают в улусах Якутии. У всех уже есть дети и внуки.

Вера Николаевна Синявина-Пельгорская прожила долгую и трудную жизнь, и несмотря на гонения и репрессии, осталась добрым и светлым человеком, верящим, что времена Антихриста обязательно пройдут, все россияне вновь придут к вере Христовой, обретут любовь друг к другу и на грешной Земле наконец воцарится долгожданный мир...

Любовь, верность и уважение к своему сердечному другу Леониду Синявину она пронесла через всю жизнь, оставив немеркнущую память об этом глубоко верующем человеке, истинном слуге Церкви своим детям и внукам, веря до своих последних дней, что истинная правда о её оклеветанном муже, священнике-миссионере обязательно восторжествует.

Вера Николаевна самоотверженно любила своих детей и внуков. Живя в Москве, она обязательно отправляла к Дню их рождения трогательные подарки.

Она умерла в 1959 году на 81-ом году жизни и похоронена в Москве.

Николай Габышев, краевед
г. Санкт-Петербург